

**ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ЛИССАБОНСКОГО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ:
ПОРТУГАЛО-ФРАНКО-РУССКАЯ ТЕОДИЦЕЯ**

Первый день сего месяца не изгладится из памяти последующих столетий из-за землетрясения и пожара, повергших в руины обширную часть города

«*Gazeta de Lisboa*» 6 ноября 1755 г.¹

Спустя три недели после события «*Gazet van Antwerpen*» писала, «что в день праздника Всех Святых в Лиссабоне, столичном граде Португальского королевства, приключилось ужаснейшее землетрясение, от коего обширная часть всех домов и строений сего великолепнейшего, наикрасивейшего укрепленного града до основания разрушилась, более чем 100 тысяч душ погубив под развалинами » (28 ноября 1755 года)

Землетрясение произошло в субботу, 1 ноября 1755 года, в девять часов сорок минут во время утренней службы Толчки продолжались всего несколько минут, но за ними последовали пожары, вызванные огнем кухонных очагов в обрушившихся домах, и в течение нескольких дней они опустошили весь город Из 40 приходских церквей, насчитывавшихся в Лиссабоне, 16 стореело, 19 лежало в развалинах, 5 были повреждены Из 65 монастырей лишь 11 были пригодны для того, чтобы там оставались монахи, более 30 дворцов лиссабонской знати было полностью уничтожено Великолепный королевский дворец, кафедральный собор, опера более не существовали Само королевское семейство избежало несчастья, так как в день Всех Святых пребывало в своем дворце в Белеме 10% домов было уничтожено полностью, две трети города были непригодны для жилья Что касается числа жертв, с течением времени оценки сильно менялись вероятно, в Лиссабоне из общего числа 260 тысяч жителей не менее 10 тысяч погибли²

Землетрясение 1755 года было не первым в истории Португалии в XIV и XVI веках их было шесть, в XVII веке три, а в XVIII землетрясения в Лиссабоне были также в 1724 и 1750 годах Португальский король Жозе I пребывал в полной растерянности Единственный, кто сохранял хладнокровие, это военный министр, бывший также министром иностранных дел, Себаштиан Жозе ди Карвалью и Мелу, оставшийся в исто-

¹ O dia primeiro do corrente ficará memorável os séculos pelos terramotos, e incendios que arruinaram uma grande parte da cidade // Veríssimo S J História de Portugal Vol VI O despotismo iluminado (1750–1807) Lisboa, 1990 P 245

² Детали см *França J-A Une ville de Lumieres La Lisbonne de Pombal* Paris, 1965 P 51–66

рии как маркиз де Помбал. На вопрос короля: «Что же нам делать?» — он решительно ответил: «Похоронить мертвых и позаботиться о живых». Эта решительность обеспечила ему полное доверие короля. Помбал безжалостно вешал мародеров, а также преследовал всяческих пророков, предвещавших несчастья и пытавшихся подстрекать народ. Португалия получила немалую помощь из-за границы: Англия, Германия, Франция, Испания и Голландия послали туда деньги и продовольствие. Помбал велел разбирать руины и начал восстанавливать город. Тот прекрасный Лиссабон, каким мы его знаем сейчас, является делом рук этого «диктатора Португалии».³ В нынешней Португалии открыто признают, что «эта катастрофа» была не только «страшным несчастьем», но также и «неоспоримым благодеянием для нашей столицы».⁴

Землетрясение 1755 года — одно из тех трагических событий, которые стали вехами в истории XVIII века.⁵ К середине XVIII столетия Португалия утратила свое былое значение: и в военной, и в политической, и в интеллектуальной сфере, и в промышленности она мало что собой представляла. Но при этом Лиссабон был «оплотом католицизма»: он славился красотой и великолепием своих церквей, фанатичной верой, которая находила выражение в бесчисленных процессиях и празднествах. Португалия была известна также инквизицией и преследованиями евреев. Это была та Португалия, которая служила мишенью для нападок философов-просветителей.⁶

Со времен Ренессанса наука и техника испытывали такой подъем, что деятели эпохи Просвещения считали своей целью проникать во все аспекты физической жизни. В подчиненном религии мире это означало, что теология также должна быть обращена в сторону рационализма. При этом постоянно ощущалась необходимость в теодицее, т. е. оправдании Бога от упреков в том, что он является причиной зла в мире. Лейбниц принял вызов и защищал Бога от такого рода упреков в сочинении 1710 года «*Essais de théodicée: sur la bonté de Dieu, la liberté de l'homme et l'origine du mal*» («Опыты теодицеи: о благодати Божией, свободе человека и происхождении зла»),⁷ где утверждается, что Бог создал лучший из всех возможных миров. Подобные идеи мы обнаруживаем и у Александра Попа в его «Опыте о человеке» (1730), содержащем столь известное высказывание: «Все существующее — справедливо». К середине XVIII века западный академический мир был широко вовлечен в дискуссию об этой

³ См. *Cheke M Dictator of Portugal A Life of the Marquis of Pombal 1699–1782* London, 1938

⁴ *Exposição iconografica e bibliográfica comemorativa da reconstrução da cidade depois do terremoto de 1755.* Lisboa, 1955 P 6

⁵ См. обширный сборник и библиографию под ред. В. Брайдерта (*Breidert W Die Erschütterung der vollkommenen Welt Die Wirkung des Erdbebens von Lissabon im Spiegel europaischer Zeitgenossen* Darmstadt, 1994) См. также *Loffler U Lissabons Fall — Europas Schrecken Die Deutung des Erdbebens von Lissabon im deutschsprachigen Protestantismus des 18. Jahrhunderts* Berlin, New York, 1999

⁶ *Gastinel G Le désastre de Lisbonne // Revue du dix-huitieme siècle* 1913 P 396

⁷ В XVIII в. вышел нидерландский перевод с пространными комментариями *Leibnitz G W Theodicee of Proeven over Gods goedheid, 's menschen vryheid, en den oorsprong van het kwaad* Utrecht, 1782

теории Повсеместной проповеди оптимизма был нанесен колоссальный урон землетрясением в Лиссабоне В «Поэзии и правде» Гете описывает впечатление, которое эта ужасная катастрофа 1755 года произвела на шестилетнего мальчика «В первый раз душевное спокойствие мальчика испытало глубочайшее потрясение под влиянием одного чрезвычайного всемирно-исторического события 1 ноября 1755 года произошло лиссабонское землетрясение, поразившее необыкновенным ужасом весь мир, давно уже привыкший к тишине и покою Большая и пышная столица, бывшая в то же время торговым городом и портом, неожиданно поражена ужаснейшим бедствием < > так повсюду господствует безграничный произвол стихий < > Может быть, никогда еще демон ужаса так быстро и могущественно не распространял трепет по всей земле

Мальчик, которому много раз приходилось слышать все это, был немало поражен Бог, создатель и хранитель неба и земли, которого первые объяснения религии изображали ему столь мудрым и милосердным, оказался вовсе не таким любящим отцом, одинаково погубив и правых, и неправых Напрасно молодая душа старалась восстановить в себе равновесие, нарушенное этими впечатлениями, тем более что мудрецы и ученые писатели не могли согласиться между собою, как следует смотреть на это явление»⁸

Новый правитель Помбал выступал против иезуитов, которых он помимо прочего подозревал в том, что они сеяли панику, распространяя наводящие страх предсказания о неминуемых землетрясениях⁹ Иезуит Габриел Малагрида полагал, что землетрясение было наказанием Господним за развратные театр, музыку, танцы, непристойные комедии и бой быков («*Juizo da verdadeira causa do terramoto*» — «Суждение об истинной причине землетрясения», 1756)¹⁰ По наущению Помбала этот пророк грядущих бедствий был отправлен на костер (сентябрь 1761 года)¹¹ Но и другие представители духовенства видели в землетрясении Божие наказание за грехи португальского Содома Знаменитый португальский врач Антониу Нуниш Рибейру Саншес полагал, что это религиозное объяснение было совершенно бессмысленным подобное сверхъестественное объяснение способно было лишь сеять панику и вызывать чувство беспо-

⁸ Гете И В Собр соч В 13 т М, 1935 Т IX С 45–46 Пер Н А Холодковского

⁹ Один английский купец, оказавшийся свидетелем землетрясения, записал в своем дневнике «*incredible the Barbarity caused by Superstition, Enthusiasm and Bigotry*» («невероятно это варварство, порождаемое суеверием, исступлением и слепым фанатизмом») // Macaulay R They went to Portugal London, 1985 P 275

¹⁰ Chr G von Murr пишет в своем «*Geschichte der Jesuiten in Portugal unter der Staatsverwaltung des Marquis von Pombal*» (Nurnberg, 1787) «Он открыто высказывался не только языком своих проповедей, но и пером в одном весьма недурном сочинении об этом предмете и, опираясь на Священное Писание и изыскивая сильные доводы, доказывал, что подобные бедствия посланы Господом в наказание за грехи Отец же наш, в то время как в Лиссабоне слышались вопли, что, дескать, город вскорости будет проглочен морской пучиной, всячески силился избавить народ от страха, внушая ему надежду на милосердие Божие и неизменно повторяя, что Господь желает, дабы Лиссабон встал на путь истинный, а не разрушен был и низвергнут в пучину (I, 57)»

¹¹ Об этом аутодафе, вызвавшем за пределами страны появление множества врагов Португалии, см *Isaias da Rosa Pereira O auto-da-fe de 1761 // O Marquês de Pombal e o seu tempo Coimbra, 1982–1983 Т I P 367–376*

мощности. Такая позиция была пагубной также и потому, что вступала в противоречие с практическими действиями тех, кто (под началом Помбала) хотел как можно скорее восстановить город, уберечь население от эпидемий и пр. Провозвестники бед между тем призывали народ к покаянию и смирению, считая материальные нужды пострадавших делом второстепенным. Португальская литература знает стихи Франсишку ди Пина и Мелу (1695–1773) «Ao Terremoto do 1.º Novembro de 1755. Paranesis» («На землетрясение 1 ноября 1755 г.»), где автор решительно отвергает естественное объяснение случившегося землетрясения. Все это дела Божьи, и Его божественная мудрость недоступна человеческому разумению. То, что улица с борделями уцелела, объясняется тем, что Бог питает сострадание к горемыкам, посещающим места подобного рода, однако он не может прощать осквернения храмов, домов Божьих. Антониу ду Сакраменту в сочинении «Exhortação consolatoria de Jesus Christo» («Утешительное увещание Иисуса Христа», 1757) утверждал, что землетрясение было деянием любви Иисуса, возжелавшего свое греховное дитя — португальскую нацию — вернуть в Божии объятия.¹²

В Англии также много писали и упоминали в проповедях о Португалии, с которой поддерживались теплые отношения. Говорили о том, что множество католических церквей было разрушено, тогда как единственная протестантская часовня, бывшая в городе, нисколько не пострадала.¹³ Общим мотивом было «Except you repent, you shall all likewise perish» («Если вы не раскаетесь, то и вы тоже погибнете»), как например у Джона Уэсли в «Серьезных размышлениях по случаю недавнего землетрясения в Лиссабоне» (*Wesley J. Serious Thoughts occasioned by the late Earthquake at Lisbon. London, 1755*). В 1756 году португалец Франсишку Шавьер ди Оливейра (1702–1783) выступил в Лондоне с протестантской апологией «Discours Pathétique au sujet des calamités présents arrivées au Portugal» («Патетические рассуждения в связи с нынешним бедствием в Португалии»). Землетрясение, по его мнению, было Божьей карой за суеверия и идолопоклонство, в которое выродилось христианство в Португалии, в особенности же наказанием за запрет инквизиции на публикацию Библии.¹⁴ Ссылки на Библию (и особенно на XVIII гл. Откровения) не прекращались, но некоторые полагали, что нелепо сравнивать Лиссабон с Вавилоном, так как немало других городов в гораздо большей степени заслуживало этой печальной участи!

Громкую славу приобрела реакция Вольтера. В 1756 году он опубликовал «Poème sur le désastre de Lisbonne ou Examen de cet axiome, Tout est bien» («Поэму о гибели Лиссабона, или Проверку аксиомы „Всё — благо“»).¹⁵ Поэму повсюду читали и горячо обсуждали, потому что она была

¹² Произведения, посвященные этой теме, были широко распространены в Португалии; бульварная литература также набросилась на это событие века. См. *Mayone Dias E O terremoto de 1755 numa colectânea de literatura de cordel // Pombal Revisitado. Lisboa, 1984. T. II. P. 177–188*

¹³ *Kendrick T. D. The Lisbon Earthquake. London, 1956. P. 152.*

¹⁴ *Saraiva J. A., Lopes Ó. História da literatura portuguesa. Porto — Coimbra — Lisboa, 1976 P. 639–640.*

¹⁵ *Oeuvres Complètes de Voltaire Poésies T. I. Paris, 1825. P. 229–255.*

написана одним из умнейших людей своего времени и потому что это землетрясение более чем какое-либо другое событие явилось сильнейшим потрясением для западной цивилизации со времен гибели Римской империи в V веке.¹⁶ Вольтер в своих стихах с негодованием говорит о гибели прекрасного города:

Je respecte mon Dieu, mais j'aime l'univers.
Quand l'homme ose gémir d'un fléau si terrible,
Il n'est point orgueilleux, hélas! il est sensible.

(Я Бога чту, люблю, но и люблю вселенну.
Коль стонут смертные среди толиких бед,
Не гордость в них, увы! Мученье вопиет).¹⁷

И «Pourquoi donc souffrons-nous sous un maître équitable?» («Когда Творец так благ, почто же страдает тварь?»). Бессмысленно отрицать существование зла:

Éléments, animaux, humains tout est en guerre.
Il le faut avouer, le *mal* est sur la terre:
Son principe secret ne nous est point connu.

(Враждует вся земля — стихии, люди, звери.
Признаем: зло сродни печальной этой сфере;
Заботливо от нас укрыт его рычаг).¹⁸

Но разве Создатель не есть источник всяческого добра?

Mais comment concevoir un Dieu, la bonté même,
Qui prodigua ses biens à ses enfants qu'il aime,
Et qui versa sur eux les maux à pleines mains?
Quel oeil peut pénétrer dans ses profonds desseins?
De l'être tout parfait le mal ne pouvait naître.

(Мы можем ли себе представить благ творца
Творцом напастей всех? И дети от отца
Возмогут ли иметь мученья повсеместны?
Кому, о Боже мой, твои судьбы известны?
Всесовершенный зла не может произвести).

(Пер. И. Богдановича)

Лейбниц также не дает никакого объяснения:

Leibnitz ne m'apprend point par quels noeuds invisibles
Dans le mieux ordonné des univers possibles
Un désordre éternel, un chaos de malheurs,
Mêle à nos vains plaisirs de réelles douleurs,
Ni pourquoi l'innocent, ainsi que le coupable,
Subit également ce mal inévitable.

¹⁶ См.: Weinrich H. Literaturgeschichte eines Weltereignisses: Das Erdbeben von Lissabon // Literatur für Leser. Essays und Aufsätze zur Literaturwissenschaft. Stuttgart—Berlin—Köln—Mainz, 1971. S. 64–76.

¹⁷ Перевод Ипполита Богдановича, см. прим. 23.

¹⁸ Вольтер. Избранные произведения в одном томе / Пер. А. Кочеткова. М., 1938. С. 422–428.

(Мне Лейбниц не раскрыл, какой стезей не зримой
В сей лучший из миров, в порядок нерушимый
Врывается разлад, извечный хаос бед,
Ведя живую скорбь пустой мечте вослед;
Зачем невинному, сродненному с виновным,
Склоняться перед злом, всеобщим и верховным).

(Пер А Кочеткова)

Вольтер покорно принимает свое незнание:

Que peut donc de l'esprit la plus vaste étendue?
Rien: le livre du sort se ferme à notre vue.

(Приподнят ли покров великими умами?
Нет: книга жребия закрыта перед нами).

(Пер А Кочеткова)

В гораздо более известном произведении, отмеченном более яркими литературными достоинствами, Вольтер значительно расширяет рамки дискуссии о теологическом обосновании веры в прогресс, свойственной его современникам. Речь идет о появившейся в 1759 году повести «Кандид, или Оптимизм». Кандид и его учитель Панглос странствуют по свету и оказываются в числе свидетелей землетрясения в Лиссабоне. Панглос утешает переживших это ужасное бедствие, «en les assurant que les choses ne pouvaient être autrement: „Car, dit-il, tout ceci est ce qu'il y a de mieux; car s'il y a un volcan à Lisbonne, il ne pouvait être ailleurs; car il est impossible que les choses ne soient pas où elles sont; car tout est bien“» («уверая, что иначе и не могло быть: „Потому что, — говорил он, — все к лучшему; ибо если вулкан находится в Лиссабоне, то он и не может быть в другом месте; ибо невозможно, чтоб вещи были не там, где они есть; ибо все хорошо“»¹⁹)

Тот факт, что проблема теодицеи была фундаментальной для интеллектуального дискурса этого времени, Вольтер демонстрирует, помещая в опубликованном несколькими годами позже «Dictionnaire philosophique» (1764) статью «Bien (Tout est)» («(Всё) Благо»).

Сразу же получившая широкую известность поэма Вольтера нашла отклик в России.²⁰ В 1763 году вышел ее русский перевод, выполненный Ипполитом Богдановичем (1744–1803), будущим автором «Душеньки» — одного из самых поэтических произведений XVIII века. Русский переводчик сократил поэму Вольтера на 32 строки, но не в ущерб содержанию, а исключительно путем упрощения вольтеровских формулировок. Авторское вступление в переводе отсутствует, видимо, из-за того, что вольтеровское вольнодумство выражено здесь особенно явно. Кроме того, в русском названии «Поэма на разрушение Лиссабона»²¹ опущен весьма важный

¹⁹ *Вольтер* / Философские повести / Пер Ф Сологуба М., 1954 С 110

²⁰ В 1760–1780 гг. Россию буквально наводнили переводы Вольтера. См. История русской переводной художественной литературы Древняя Русь XVIII век / Под ред. Ю. Д. Левина Т. I Проза СПб., 1995 С 164, *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер XVIII—первая треть XIX века Л., 1978

²¹ Перевод И. Богдановича «Поэма на разрушение Лиссабона» появился в журнале «Невинное упражнение» (1763, № 4), а также в его книге «Лиры, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов, некоторого муз. любителя» СПб., 1773

подзаголовок В переводе есть ряд отклонений если у Вольтера «cent mille infortunés» («сто тысяч несчастных»), то в русском тексте их «тысячи», что, пожалуй, более реалистично, чем число жертв у Вольтера, черпавшего сведения в слухах Слово «закон» вызвало у переводчика явные затруднения, в русском тексте оно почти не упоминается Жонглирование Вольтера понятиями «закон» и «закономерность» русский переводчик понимает, по-видимому, чересчур материалистически Вольтеровские «*éternelles lois*» («вечные законы») не существуют по-русски, «*ces immuables lois de la necessite*» («необходимости незыблемы законы») превращаются в «необходимости сей нужды непременной»; «*la loi tyranique*» («тиранический закон») становится просто «законом», однако при всем при том «*la voix de la nature*» («глас природы») Вольтера переводится как «естества закон»

В дополнение к этому переводчик то тут, то там сглаживает острые углы оригинального текста Восклицание «*O ciel, ayez pitié de l'humaine misère!*» («О небо, сжался над людским несчастьем!») вовсе исчезло, «*Enfants du Tout-puissant, mais nés dans la misère*» («Дети Всемогущего, рожденные в несчастье») превращается в «О дети бедные всемогущего отца», «*ce chaos fatal*» («сей хаос роковой») по-русски — «состояние злое», а чрезвычайно важное «*Je ne m'élève point contre la Providence*» («Не возвышаюсь я противу Провиденья») снижается до

Покорствую, стена и токи слез лия,
И воле вышнего терпя подвержен я

Если у Вольтера

Le present est affreux, s'il n'est point d'avenir,
Si la nuit du tombeau detruit l'être qui pense

(Ужасно сущее, коль будущего нет,
Коль ночь могилы губит мыслящую тварь)

то в переводе Богдановича —

А настоящее для смертного ужасно,
Когда он в будущем добра не получит

Всего один раз русский переводчик делает явный промах У Вольтера

Elements, animaux, humains tout est en guerre
Il le faut avouer, le *mal* est sur la terre

(Враждует вся земля — стихии, люди, звери,
Признаем зло сродни печальной этой сфере)
(Пер А Кочеткова)

Богданович делает из этих строк нечто прямо противоположное

Между собою все на свете брак ведет,
Все твари чувствуют, что злом наполнен свет, —

т. е. «брак» стоит вместо «раздор» или «война». Это могло быть следствием простой опечатки: в переводе Богдановича «брак» занял место очевидно «брань». Этот лишенный всякого смысла «брак» повторяется и в современном издании.²²

За исключением этого промаха и некоторых стилистических сдвигов, перевод Богдановича вполне заслуживает доверия, и его ямбы доносят до читателя тот же пафос негодования, что и французский оригинал. Опубликованный в литературном журнале, перевод распространялся также и в списках.²³ В виде книги перевод издавался в 1801, 1802 и 1809 годах. «Кандид» в русском переводе выдержал в XVIII веке пять изданий.²⁴

Не всем в России был по вкусу скептический тон поэмы Вольтера. Иеромонах Гедеон (Григорий Криновский), придворный проповедник императрицы Елизаветы Петровны, в «Слове о случившемся 1755 году... ужасном трясении» (1756) утверждал, что никак нельзя видеть простую случайность в том, что землетрясение это случилось именно в Португалии, а не в России. Он считал, что разрушение Лиссабона, как до этого гибель Содомы и Гоморры, было предупреждением для тех, кто еще мог быть спасен («чтоб утратить нас грешных» и «может быть, уже и на нас простерта страшная рука Божья, которую на себе почувствовали прочие край. Но ждет еще, не утратимся ли мы их примером, и не пробудимся ли от сна нашего стуком, которой потряс толь великую часть вселенных?»). По мнению проповедника, «Слово» его было направлено также против «натуралистов и фармазонов», которые настаивали на научном объяснении этого явления.²⁵ Именно научное объяснение появилось в мартовском номере журнала «Ежемесячные сочинения» за 1756 год; весьма примечательно, что статья эта была переводом с немецкого.²⁶

Оживленно полемизировал с Вольтером Василий Левшин (1746—1826), один из самых плодовитых писателей XVIII века. В 1788 году он опубликовал пространное «Письмо, содержащее некоторые рассуждения о Поэме Волтера „На разрушение Лиссабона“». В этом ужасном землетрясении Левшин усматривает проявление благодати Божьей — как для тех, кто смог таким образом искупить совершенные ими грехи, так и для тех, кто еще не успел их совершить. Божественное вмешательство в судьбу жителей Лиссабона могло быть для них только благодеянием. Ибо на земле зла вообще не существует; существует лишь наше непонимание замысла Божия по не-

²² Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. Л., 1957. С. 210.

²³ Кочеткова Н. Д. Богданович И. Ф. // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. (А—И). С. 105.

²⁴ Кандид, или Оптимизм, то есть наилучший свет. СПб., 1769, 1779 (2 издания) и 1789 (2 издания).

²⁵ Слово о случившемся в 1755 году в Европе и Африке ужасном трясении // Собрание разных поучительных слов <...> сказанных придворным <...> проповедником иеромонахом Гедеоном. СПб., 1756. Т. II. С. 316—323. См. также: Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века / Ред. Т. В. Артемьева. СПб., 1996. С. 56. Криновский был известен как один из лучших ораторов своего времени; собрание его проповедей было опубликовано в 4 томах в 1755—1759 гг. См.: Николаев С. И., Криновский Г. А. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. (К—П). С. 151—152.

²⁶ Размышление о землетрясениях // Ежемесячные сочинения. 1756. Март. С. 274—285.

²⁷ Переиздание в кн.: Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века. С. 220—255.

мощи нашего разума. Что для нас важнее, задается вопросом Левшин, знание или блаженство? Он выбирает последнее. Для русской теодицеи XVIII века оправдание веры в Бога основывается на том, что в вере человек обретает «удовольствие, подкрепление и надежду». Здесь отвергается всяческое теоретизирование и провозглашается принцип: «Верую, чтобы быть счастливым». Целью Бога может быть только благо, и правило это выводится из того, как устроен мир: зло всегда либо обезвреживается, либо содержит в себе те или иные положительные аспекты. Такое оправдание существующего порядка в условиях России XVIII века не должно вызывать у нас удивления: для государственного православия скептицизм французского просветителя по отношению к религиозным догмам (в данном случае католическим) был далеко не очевиден. Не слишком приемлемой казалась также и та легкость, с которой на Западе писали о Боге.

Дискуссия о вольтеровской теодицее в России получила продолжение в XIX веке в остроумной полемике, которую вел Достоевский с современными ему литературными критиками. В одной из своих многочисленных статей о литературе он выступает как против утилитаристов, которые ожидают от искусства немедленной пользы, так и против так называемых эстетов, которые остаются совершенно чуждыми реальному миру. В этой связи он проводит следующую параллель: «Положим, что мы переносимся в восемнадцатое столетие, именно в день лиссабонского землетрясения. Половина жителей в Лиссабоне погибает; дома разваливаются и проваливаются; имущество гибнет; всякий из оставшихся в живых что-нибудь потерял — или имение, или семью. Жители толкаются по улицам в отчаянии, пораженные, обезумевшие от ужаса. В Лиссабоне живет в это время какой-нибудь известный португальский поэт. На другой день утром выходит номер лиссабонского „Меркурия“ <...>. Номер журнала, появившегося в такую минуту, возбуждает даже некоторое любопытство в несчастных лиссабонцах, несмотря на то что им в эту минуту не до журналов; надеются, что номер вышел нарочно, чтоб дать некоторые сведения, сообщить некоторые известия о погибших, о пропавших без вести и проч., и проч. И вдруг — на самом видном месте листа брошюруется всем в глаза что-нибудь вроде следующего:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

<...> Не знаю наверно, как приняли бы свой «Меркурий» лиссабонцы, но мне кажется, они тут же казнили бы всенародно, на площади, своего

знаменитого поэта, и вовсе не за то, что он написал стихотворение без глагола, а потому, что вместо трелей соловья накануне слышались под землей такие трели, а колыхание ручья появилось в минуту такого колыхания целого города, что у бедных лиссабонцев не только не осталось охоты наблюдать —

В дымных тучках пурпур розы

или

Отблеск янтаря,

но даже показался слишком оскорбительным и небратским поступок поэта, воспевающего такие забавные вещи в такую минуту их жизни. Разумеется, казнив своего поэта (тоже очень небратски), они все непременно бы кинулись к какому-нибудь доктору Панглосу за умным советом, и доктор Панглос тотчас же и без большого труда уверил бы их всех, что это очень хорошо случилось, что они провалились, и что уж если они провалились, то это непременно к лучшему. И доктора Панглоса никто бы не разорвал за это в клочки; напротив, дали бы ему пенсию и провозгласили бы его другом человечества. Ведь так всё идет на свете». ²⁸

Неизвестно, была ли вызвана эта полемика Достоевского сочинением Вольтера «Поэма на разрушение Лиссабона» или его философской повестью «Кандид». Во всяком случае, в крупных романах Достоевского мы встречаем явные отголоски теодицеи XVIII века, ²⁹ и наиболее явно — в бунте Ивана Карамазова, отвергающего счастье для всего человечества, если оно будет достигнуто ценой слезинки хотя бы одного ребенка

В русской культуре речь о Лиссабонском землетрясении заходит в последний раз в знаменитой поэме Александра Блока «Скифы». Поэма, написанная в начале 1918 года, обращает к Западу страстный призыв присоединиться к революционной России и прийти «на братский пир труда и мира»:

Миллионы — вас. Нас тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины! ³⁰

²⁸ Достоевский Ф М Полн собр соч В 30 т Л, 1978 Т 18 С 75–76 Статья 1861 г «Г-н — бов и вопрос об искусстве»

²⁹ См. Гроссман Л П Русский Кандид (к вопросу о влиянии Вольтера на Достоевского) // Вестник Европы 1914 № 5 С 192–203, Rammelmeyer A Dostojevskij und Voltaire // Zeitschrift für slavische Philologie 1958 Bd 2 S 252–278

³⁰ Блок А Собр соч В 7 т Берлин, 1923 Т 4 С 29

Блок упоминает в своей поэме не только землетрясение 1755 года в Лиссабоне, но и землетрясение 1908 года в Мессине, на юге Италии, а также греческую колонию Пестум на юге Апеннинского полуострова, в конце IX века захваченную арабами.

Мы видим, что одно из эпохальных событий XVIII века вплоть до XX столетия сохраняло свое присутствие не только в исторической памяти португальцев,³¹ но и в сознании русских деятелей культуры, которых «сей грозный бич справедливости Божией»³² ставил перед одним из серьезнейших вопросов, волновавших умы человечества: «Откуда берется зло? В ответе ли Бог за зло, творимое в мире?» Катастрофа 1 ноября 1755 года стала для многих европейских умов концом их веры в миф Просвещения. При этом переводы поэмы и повести Вольтера открыли для России доступ к современным взглядам Запада.

³¹ В 1955 г в Лиссабоне была открыта большая юбилейная выставка, посвященная реконструкции португальской столицы после землетрясения 1755 г *Exposição iconografica e bibliografica comemorativa da reconstrução da cidade depois do terremoto de 1755*

³² Как писала «Gazet van Antwerpen» от 30 марта 1756 г